

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

*Страницы из книги воспоминаний
учителей–ветеранов*

Калининград, 2014

Дорогие ветераны!

Поздравляем вас с самым важным праздником в истории нашей страны – **Днём Победы!**
Желаем душевной бодрости,
добрых встреч, ярких впечатлений, новых сил!
Книга воспоминаний «Детство, опалённое войной»
в настоящее время находится в издательстве.
Планируется, что она выйдет из печати в июне 2014 года!
В преддверии Дня Победы предлагаем вам познакомиться
с фрагментами этой книги!

С уважением,
учителя и ученики гимназии № 40

Навстречу 70-летию Великой Победы

Дети войны – ветераны педагогического труда –
делятся воспоминаниями о пережитом в годы
самой страшной войны

г. Калининград, 2014 год

Спасибо за ещё один урок!

Эта книга – яркий, запоминающийся урок, подготовленный учителями-ветеранами, сопричастными становлению и развитию «сороковой», и молодыми педагогами гимназии № 40 имени Ю. А. Гагарина.

Идея создания проекта «Детство, опалённое войной» принадлежит Нинель Фёдоровне Соловьёвой. Большая часть воспоминаний о Великой Отечественной войне, представленных в этом сборнике, были записаны ею лично. Каждая строка воспоминаний возвращает к событиям военных лет, тревожит душу и память, учит дорожить родной страной, близкими людьми, жизнью.

От имени педагогов гимназии благодарю Л. П. Борисову, Э. К. Дорошенко, О. С. Драликову, И. А. Дудник, И. Т. Исаеву, К. Г. Москвичёву, И. С. Нечай, И. А. Савкину, И. М. Ошник, Р. И. Соколова, А. В. Гуртиньш – ветеранов, ставших настоящими учителями, наставниками для нескольких поколений учеников и учителей гимназии. Активная жизненная позиция, высокая степень ответственности за судьбу страны, трепетное чувство любви к Родине – это те жизненные ценности, которые Вы, дорогие наши коллеги, стремились передать всем нам.

Искренне признательна молодым учителям и сотрудникам Е. С. Зубовой, А. В. Астаховой, Р. Н. Фатеевой, В. Н. Хромцовой, членам Клуба молодых педагогов гимназии, за подготовку книги воспоминаний педагогов-ветеранов к изданию.

*Т. П. Мишуровская, директор
МАОУ гимназии № 40 имени Ю. А. Гагарина*

Предисловие

Что каждый из нас знает о войне? Это трагедия, голод, разруха, боль, слёзы, смерть... Что каждый из нас может сказать о войне? Мы никогда не допустим, чтобы она повторилась, и память о ней сохраним в наших сердцах.

Прошло уже много лет после самой страшной и кровопролитной в истории человечества войны. В этой книге собраны воспоминания людей, переживших её маленькими детьми, – воспоминания учителей, посвятивших себя воспитанию новых поколений нашей страны. Самое главное, что они смогли передать нам, – это умение верить в человека, сострадать, ценить жизнь, свободу.

Пусть эта книга станет знаком нашего уважения вашему мужеству, дорогие ветераны!

*Клуб молодых педагогов
гимназии № 40 имени Ю. А. Гагарина*

Мне так хотелось в цирк! И мое желание перевесило: я пошла в цирк. Пробыла я там очень долго, карточки потеряла, продуктов не принесла, а это значило, что я семью на целый месяц оставила голодной.

И. М. Ошник

Война так или иначе затронула каждую семью, и поэтому вполне естественно, что и спустя десятилетия мы со скорбью вспоминаем эту дату. Но вместе с этим чувством мы испытываем и гордость за нашу страну – Советский Союз, свято помним тех, кто положил свою жизнь на алтарь Победы. Свидетельством этой благодарной памяти являются венки и цветы, которые ежегодно 22 июня повсеместно возлагают к памятникам советских воинов.

*В. Савин. Газета «Правда».
20 июня 2013 г.*

Вспоминает Нинель Фёдоровна Соловьёва

*Уж много вёсен пробежало,
Как прогремел Победы час,
А мы ушедших вспоминаем
Всегда, особенно сейчас.
На той войне пооставались
И деды, братья, и отцы.
Всех вспоминаем нынче их,
Ведь дети наши, вырастая,
Не знали дедушек своих.
А мы росли в трудах, заботах,
Отцов встречали лишь во сне.
Отцовской ласки не изведав,
Лишь вспоминали о войне.*

С годами память всё чаще возвращает нас туда, в далёкие сороковые годы прошлого столетия. Моё счастливое детство закончилось в страшный день начала Великой Отечественной войны. Закончились весёлые игры, детские забавы.

Однажды, когда состав стоял, мы услышали гул самолетов – это летели «мессершмитты». Облетев вокруг состава, они сбросили «фонари» и улетели. Стало совсем светло. Через несколько минут опять прилетели самолеты. Люди начали выпрыгивать из теплушек и открытых платформ и разбегаться подальше от состава. Над головами кружились самолеты и на низкой скорости строчили из пулемётов. Мы падали. Кто умирал сразу, а кто кричал от боли. А самолеты все кружили и кружили, как коршуны над своей жертвой.

Я до сих пор вспоминаю летчика одного из самолетов, который, наклонив голову, смеялся над обезумевшими людьми, нажимая на гашетку пулемета. Вокруг рвались бомбы, стоял гул самолетов, кричали раненые, плакали дети. Наконец, фонари погасли, стало темно и тихо. Самолеты улетели.

Придя в себя, люди стали подниматься и в ночной темноте двигаться к составу, но там его не оказалось. Видимо, его успели отогнать от места бомбежки.

Что делать? Ведь все вещи, одежда, продукты – все уехало! И среди ночи мы двинулись вдоль железнодорожного полотна, а мимо нас проносились поезда. Наступило утро, а мы все шли, спотыкались, то спускаясь с насыпи, то опять поднимаясь. Без воды и еды двигались вперед.

Дети плакали, старики их успокаивали. Казалось, что этой дороге не будет конца, но на вторые сутки толпа, отставшая от состава, добрела до станции Рыбинск.

*Ну, а сейчас, я хочу сказать:
«Пусть наши правнуки, их дети,
Ни войн, ни бед не знают.
И пусть страна моя с годами расцветает,
Но дни Побед Отечества родного
Всегда пусть отмечают!
С любовью».*

Несколько слов хочу сказать о моем муже, Соловьеве Юрии Александровиче.

Он старше меня на три года, и ему досталось в войну побольше. В 13 лет он учился в ФЗУ, и у станка приходилось стоять по 12 часов.

У мамы на руках были еще четверо детей, и работала она учителем. Летом всех посылали помогать в колхозы, так он вместо мамы ездил и работал наравне со взрослыми. Жили они на Урале, в городе

Кургане, а потом, уже во время войны, переехали в Челябинск. Там жили их родственники, которые в какой-то мере помогали растить детей.

Старшая сестра Юры работала на заводе, и однажды ее коса попала в станок под ленту конвейера, потому что девочка задремала. Хорошо, что мастер заметил и сумел остановить станок. И такое было.

А в Калининград он попал, когда служил в Советской Армии, в 1946 году. Так что и он, и я, прибывшая в Калининград в 1948 году, по праву являемся участниками становления Калининградской области.

Только я ветеран педагогического труда, а он ветеран военной службы.

*Мне дал путевку комсомол,
И я всю жизнь ему верна,
Вела подростков за собой,
Им старшим другом я была...*

Обучению и воспитанию юных калининградцев я отдала 48 лет, а сейчас вот уже 16 лет курирую первичную ветеранскую организацию гимназии № 40 имени Ю.А.Гагарина.

Не могу забыть женщин, стоящих вдоль дорог, бредущих с узелками, ведущих за руку детей. Старушки протягивали к машинам маленьких детей, просили: «Спасите, возьмите!» Но куда?

Н. Ф. Соловьёва

Вспоминает Инна Александровна Дудник

Когда началась Великая Отечественная война, Инне Александровне Дудник было всего 4,5 года, а ее брату 11 лет. Жили они в городе Воронеже. Мама работала, а папа ушел на фронт.

Мы с братом все время были одни. Помню, когда начинались бомбежки, было очень страшно, взрывы слышались далеко за городом. Во дворе взрослые построили бомбоубежище, и мама сказала, что если мы услышим гул самолетов, то мы должны закрыть квартиру и бежать в убежище. Мы так и делали, когда начались бомбежки города.

Как только по радио раздавалось «Внимание! Внимание! Воздушная тревога! Воздушная тревога!» и начинали выть сирены, люди все убегали с улиц и прятались. Мы с братом тоже бежали в убежище. Как было страшно! Со всех сторон слышались взрывы, кричали люди, были сигналы, рушились дома.

Я заметила, что, выбегая из подъездов, люди несли с собой какие-то узлы, чемоданы, разные вещи. Мы рассказали об этом маме, и она нам объяснила, что люди уносят с собой ценные вещи. «У нас с вами, – сказала мама, – самая ценная вещь – это швейная машинка, это наш «хлеб». Если в дом упадет бомба и машинку разобьет, мы погибнем от голода». «Как же машинка может быть нашим хлебом? Его же по карточкам выдают», – думала я. Вечером я спросила маму об этом. «Если у нас не будет денег, я буду шить людям одежду, заказчики будут мне платить за работу деньги, и мы на них будем покупать продукты», – сказала мама.

Бомбежки становились все чаще. Бомбы разрывались в соседних дворах, падали-рушились дома, были сирены, гудели самолеты, люди кричали, и нам было очень страшно.

Я забивалась под стол, затыкала уши и вся тряслась. Однажды брат заглянул в окно и увидел бегущих с вещами людей. – Вылезай, вылезай! – кричал он. – Надо машинку спасать! Как мы ее вынесли на улицу вдвоем, до сих пор понять не могу. А, кроме машинки, мы еще повытаскивали подушки, одеяла и какую-то одежду. Получилась целая гора.

Вспоминает Ирина Михайловна Опник

До начала Великой Отечественной войны наша семья – родители и трое детей – жили в городе Гомеле Белорусской ССР. Папа работал заместителем начальника НКВД, а мама председателем профкома работников леса и сплава.

В 1941 году, за 10 дней до начала войны, мама отправила меня в пионерский лагерь «Артек». Мне было тогда 9 лет.

С нами в лагере были испанские дети, родители которых погибли в революционной Испании, сражаясь с войсками диктатора Франко. Все были одеты одинаково – в белых шортах, футболках и красных испанках. Мы тогда ходили в артековской форме.

Когда лагерь начали бомбить, началась эвакуация детей. Я по своей детской наивности решила самостоятельно искать родителей – ушла из лагеря и, конечно, заблудилась. Несколько часов я блуждала по лесу одна, пока меня не нашел и не вернул в лагерь лесник. Там всех детей посадили в автобусы и отправили в Севастополь. Когда автобус подошел к железнодорожному вокзалу, был уже поздний вечер. И в дороге, и в самом городе было жутко и страшно – город стоял полупустой. Над ним нависла тяжелая тишина, окна домов были заклеены крест-накрест бумагой, некоторые здания разрушены. Нас посадили в поезд и повезли в Москву. В пути несколько раз состав бомбили, но, к счастью, все обошлось благополучно.

Из Москвы с речного вокзала на пароходе нас повезли в Сталинград. Мы плыли по Волге. Какая большая река! Когда пароход причаливал к очередной пристани, я стояла на верхней палубе, вглядываясь в лица людей, надеясь найти свою семью. Когда пароход, наконец, причалил к пристани Сталинграда, среди многих встречающих, я узнала маму. Оказывается, наша семья была эвакуирована в Сталинград и им сообщили, что дети из лагеря «Артек» должны прибыть туда.

Вот поэтому на берегу было так много родителей. От волнения я потеряла сознание, но, слава Богу, меня нашли, и я теперь уже ничего не боялась.

Вспоминает Москвичёва Клавдия Григорьевна

В годы войны я жила на Брянщине. Это кусочек героической земли, затерявшийся среди дремучих Брянских лесов. Там жили и сейчас живут сильные духом люди, которых нельзя сломить...

Самым страшным воспоминанием осталось воспоминание о том, как мы с мамой ходили в гестапо отмечаться (два раза в день – в 8 утра и в 22 часа вечером). Нас посылали чистить снег, мыть конюшни, полы в домах, где жили фашисты. Все это под дулом автомата.

У этой переключки была и другая сторона. Когда партизаны разбили тюрьму, где находились люди, которых приготовили угнать в Германию, из нас, тех, кто отмечался в гестапо, выбрали десять человек и расстреляли на площади, на глазах всего населения города. Тогда я узнала, что такое «плакать душой» – это когда слезы текут, но нельзя громко плакать или в обморок падать – пристрелят тут же.

Однажды был такой случай: над входом в управу повесили портрет Гитлера высотой 2,5 метра, но он провисел только одну ночь. Его так облили всякими нечистотами, что не было видно изображения. Как и кто сумел это сделать? Ведь внизу стоял часовой! Съехались фашисты со всей округи, ломали головы, как это можно было сделать? Пятнадцать человек, моих земляков, ушли из жизни – их расстреляли...

У меня болезнь «закрытого пространства». Я в окопе не могла находиться. Если меня туда затаскивали, я горько плакала и просила, чтобы меня выпустили, и, когда меня выпускали, я пряталась где-нибудь – или под кустиком, или на грядке. Прикрывала голову руками и смотрела вверх. Там было ночное небо, раскроенное огнем летящих бомб. Помню яркий свет прожекторов, визг летящих бомб и трескотню пулеметов. Когда падала бомба, она страшно визжала, как резаная свинья, и все время казалось, что она летит над головой.

Если можно было бы представить себе ад, то это был действительно ад.

Самолеты обстреливали улицы, спускаясь так низко, что можно было видеть фигуры летчиков...

Прошли десятилетия, но страшные воспоминания не оставляют и сейчас. Иногда эти события вижу во сне. Просыпаюсь от сердечной боли, пью лекарство и долго не могу успокоиться.

Вспоминает Элла Константиновна Дорошенко

Элла Константиновна Дорошенко жила в Подмосковье, в настоящее время места ее безоблачного детства отошли к Рязанской области. Ее смутные воспоминания состоят из постоянного страха.

Взрослые женщины часто плакали, и это огорчало малышку. Потом начались бомбежки. «Это было очень страшно», – вспоминает она.

Мы все прятались в ущельях, вырытых во дворах и вокруг всего нашего поселка. От каждого взрыва я приседала от страха, закрывая ладошками уши, а меня все уговаривали, что это далеко. Больше всего запомнилось, что всегда хотелось кушать.

Больше ничего девочка четырех лет запомнить не могла.

Все страшное из детского восприятия уступило в памяти место торжествам Великой Победы, ликованию людей, слезам радости и тяжелых утрат.

– Почему плачут? Радоваться надо. Мы победили, а они плачут! – недоумевала я.

Что испытывала я, украшая солдатские могилы? Скорбь и жалость. Я думала, что, наверное, у этого солдата где-то есть семья, дети, которые не знают, как и я, где лежит их отец.

Н. Ф. Соловьёва

Вспоминает Ольга Семеновна Драликова

Родилась я в 1931 году в селе Гиблеци Бельковского района Рязанской области. Здесь и застала меня Великая Отечественная война.

Все мужчины, молодые ребята и девушки ушли на фронт. В селе остались старики и дети. Нам пришлось выполнять работу взрослых: копали землю, собирали урожай, работали на молотилках, заготавливали сено для скота на зиму. Бывало, спать хочется, а дед Иван из соседнего дома кричит: «Вставай, работница, сено собирать пора!» Вот и бежала на работу.

Голод был страшный. Хлеба давали по 100 граммов в сутки на человека, но нас выручал лес. Летом ходили за грибами, ягодами. Борщ варили из крапивы с грибами.

В поле собирали колоски. Бывало, принесем их, счастливые, мама их сметет на жерновах, а потом что-то приготовит, приговаривая: «Вот кормилица наша, Оленька, спасибо тебе».

Трудно жили, но были счастливы, что враг не дошел до наших мест. Мы только часто слышали, как бомбили заводы и фабрики.

Мы, дети, как могли, помогали фронту – вязали носки, варежки и отсылали на фронт.

Было много горя и слез, когда соседи получали извещение о гибели родных и близких. Опять кто-то на все село воеет, значит, пришла похоронка.

Но вот закончилась война. Радость победы и горе утрат – все смешалось, кто плачет, кто «скачет». Такова жизнь.

Но трудности не закончились, надо было разруху победить. Надо было восстанавливать страну, строить города, хлеб сеять и Россию-матушку кормить.

Каждый пионер нашей страны знал, что Марат Казей – пионер-герой, отдавший жизнь за Родину.

К.Г.Москвичёва

Вспоминает Инна Александровна Савкина

*Прошла война, прошла страда, но боль взывает к людям:
«Давайте, люди, никогда об этом не забудем!»*

Это было горькое время. Хорошо помню 22 июня 1941 года, день начала Великой Отечественной войны. Было обычное утро. Каждый занимался своим делом: кто во дворе, кто в саду (у нас были большой двор и огромный сад). Вдруг в 12 часов дня из дома выбежала бабушка и закричала в ужасе: «Война! Война!»

Все побежали в дом и стали слушать по репродуктору речь Вячеслава Михайловича Молотова о вероломном нападении Германии на Советский Союз.

В немом молчании выслушали сообщение министра иностранных дел, женщины заплакали в голос, особенно наша мама.

Несколько слов о репродукторе. Он был в форме большой тарелки черного цвета. Репродуктор стал для нас местом притяжения и олицетворением надежды на победу. Помню, как мы с замиранием сердца слушали об обороне Москвы. Память не сохранила всего о том, как мы жили в это время. Помнится только, что очень хотелось есть. Хорошо помню, сколько радости испытали все, когда Советская Армия погнала фашистов от столицы.

Наши дорогие женщины, как могли, берегли детей, старались нас поддерживать: меняли вещи на продукты, тетя Тося рисовала коврики, а бабушка их продавала. Иногда они рисковали жизнью, так как можно было попасть под трассирующие пули с немецких самолетов.

Еще нас выручал сад, где мы, дети, проводили все время с мая по октябрь.

Вскоре война дошла до Ставрополя. Немцы и румыны вошли в город осенью 1942 года. Теперь жить стало страшно. Оккупанты выгнали нас из бабушкиного дома, и мы ютились в темном и сыром погребе без окон. Там мы прятались от бомбежки и ночевали. Помню пережитый ужас, когда однажды мы сидели в погребе, сжавшись в кучку, чтобы было теплее, как вдруг распахнулись железные двери и темноту прорезал резкий луч фонарика. Мы еще плотнее прижались друг к другу и закрыли глаза, содрогаясь, ждали выстрела. Но его не последовало. Немцы ушли, а пережитое чувство осталось надолго. Чем мы питались в это время, не помню, как выжили, оста-

лось тайной.

В школу я пошла 1 сентября 1944 года. Повела меня торжественно не мама, а старшая сестра Валя, уже второклассница, а значит, взрослая. Почему не мама? Потому что маме нечего было надеть соответствующего празднику: все довоенные наряды наши любимые женщины променяли на продукты. Несмотря ни на что, у меня было все необходимое: мама из лоскутов сшила портфель, тетя Тося из старой бумаги сшила тетради, чернила сделали из фиолетового карандаша, им же я начала учиться писать.

У меня, школьницы, была заветная мечта, иметь хотя бы один цветной карандаш любого цвета. Я даже пыталась его искать на чердаке дома, где лежали старые вещи.

В это время было очень голодно, хотя в школе нам давали маленький паек – кусочек хлеба с повидлом или кусочком соевой конфетки (я до сих пор люблю соевые конфеты). А дома нечего было есть. Особенно страдал наш старенький дедушка. Мы приносили частичку школьного пайка и угощали его.

Я в окопе не могла находиться. Если меня туда затаскивали, я горько плакала и просила, чтобы меня выпустили... Прикрывала голову руками и смотрела вверх. Там было ночное небо, раскроенное огнем летящих бомб. Помню яркий свет прожекторов, визг летящих бомб и трескотню пулеметов... Самолеты обстреливали улицы, спускаясь так низко, что можно было видеть фигуры летчиков.

К. Г. Москвичёва

Вспоминает Людмила Павловна Борисова

Наша семья жила в деревне Кустерь Ростовского района Ярославской области. В семье было трое детей. Мама и папа работали в колхозе. В армию папу призвали задолго до начала войны, поэтому мама начала рано приучать нас, дочерей, к труду. А в деревне какой труд? Чаще всего на земле. Вскопать огород, управиться по дому, а там и в колхоз летом – на прополку.

Но вот началась Великая Отечественная война, и жизнь на селе стала очень тяжелой. Все мужчины и молодые ребята ушли на фронт. В деревне остались старики, женщины и дети. И вот тут нам, подросткам, пришлось хлебнуть лиха. Приближалась жатва. А кому хлеб убирать? Стали учить нас местные старики и наши мамы. Меня научила мама жать хлеб серпом. Рано утром разбудит – и в поле. За день с трудом дожинали по 10 соток. Приду домой – ни рукой, ни ногой повернуть не могу.

Худо-бедно собрали первый урожай без мужчин. Высушили снопы, пора молотью заниматься. И опять мы, двенадцати-тринадцатилетние «хлеборобы». Пока снопы сохли, мы, девчонки, учились молотить. С трудом, но все же обмолотили снопы. Вместе со стариками собирали колоски, чтобы ни одно зернышко не погибло.

Очень огорчали всех сводки с фронта. Как только почтальон появлялся, все ждали страшных вестей. От отца долго ничего не было. Жив ли? Но вот и мы узнали, что он погиб где-то под Смоленском еще в самом начале войны.

А питались в годы войны плохо. Хлеба мало было, с кормами плохо, поэтому и живности, кроме жалкой коровушки, никто не держал. Ранней весной, копая поля, находили мороженую картошку, из нее пекли какие-то лепешки. Ведь нас трое у мамы было – один другого меньше. Трудно жилось. Хоть войны в деревне не видели и с неба бомбы не падали, а жили очень тяжело. Как вспомню, так слезы ручьем текут. От зари до зари работали, голодали. Берегли каждую крошечку хлеба. Не дай Бог такой жизни никому никогда.

Дождались мы Победы, но легче не стало жить...

Вспоминает Ирина Степановна Нечай

Есть под Белостоком в Польше небольшой хутор Левицкие. Там и жила наша семья до 1944 года.

Лето 1944 года стало самым страшным. Все поля были усеяны предметами, очень привлекательными для нас, детей. Они были похожи на авторучку с колечком на конце и покрашены в яркие желтые, синие, иногда красные поперечные полосы. Дети ведь очень любопытные, и мы стали дергать за эти колечки, но, на наше счастье, трагедии не произошло. Когда мы показали, эти ручки советским солдатам, они объяснили, что это запалы к оружию, с их помощью, если сильно дернуть, можно добиться взрыва. Мы могли сами себя убить или покалечить. С этого времени у нас установилась тесная связь с советскими воинами, которые стояли на Неводнице, в двух километрах от нашего хутора.

Мы собирали эти запалы, неразорвавшиеся снаряды и носили советским воинам, а те в благодарность угощали нас кусковым сахаром. Мы в свою очередь носили им клубнику и молоко. Затем разведчики познакомились с нашими родителями и попросили им помочь.

Расстояние между немцами и советскими воинами составляло километров пять.

Немцы находились в том же гостеприимном доме покойного Бриша. Местность была открытая. Разведчикам нужно было узнать

Долго я думала, чем помочь маме и, наконец, решила написать письмо Сталину Иосифу Виссарионовичу. Он же отец всех народов нашей страны. Я села за письмо.

Н.Ф.Соловьёва

расположение войск противника. В разведку ходили по двое. Один оставался у нас на хуторе, другой, переодевшись в женскую одежду (просил у мамы) и отдав свои документы товарищу, уходил на задание.

Только разведчик отходил на 100-150 метров, его настигала пуля снайпера. Тогда за ним следовал следующий разведчик.

Мама просила, умоляла не ходить, но ответ был один: «Это задание, мамаша, мы не имеем права его не выполнить». Проводив очередного, родители нас прятали в дом, чтобы мы не видели эти трагедии.

Мы снова поселились в землянке. Снаряд попал в сарай, куда папа складывал корма для скота. Сарай сгорел, а в деревне Соболево снаряд попал в дом тети Марии. Погиб ее муж, а она с дочерью переехала в Белосток.

Осенью 1944 года нашу территорию заняли советские войска. Бои шли днем и ночью. Все леса и поля были усеяны гильзами от «Катюш».

Родители приняли решение спасти детей – эвакуироваться на территорию БССР. Родственники стали приносить нам кто что мог – от одежды до постельного белья и продуктов. Переезд был очень трудным и в моральном, и в физическом отношении. Мы покидали родные места и ехали в другое государство. Что ждало нас?

Все спали на полу, у окна стояла большая железная бочка с дверцей внизу, а в форточку была выведена труба – так выглядела «буржуйка». Она обогрела нас, когда топилась, а сверху можно было запекать картофельные очистки.

Н. Ф. Соловьёва

Вспоминает Ирина Тихоновна Исаева

Ирина Тихоновна Исаева родилась и выросла в небольшом провинциальном городе Балашов Саратовской области.

Когда-то Балашов считался купеческим городом, в нем было много зелени, уютных деревянных домов с красивыми нарезными наличниками. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»

За годы советской власти город преобразился – украсился новыми строениями учреждений культуры и науки.

Но началась Великая Отечественная война, и все вокруг стало меняться: померкла русская красота, начались бомбежки, пожары, разруха. И все же город Балашов сохранился лучше, чем другие города Поволжья.

Народ перенёс все ужасы войны: страх, разруху, голод.

Но вот война закончилась, а трудности еще долго ощущали горожане.

Начался новый 1946-1947 учебный год, и я пошла в первый класс. В то время все испытывали трудности из-за нехватки учебно-письменных принадлежностей и учебников.

Однажды учительница сказала, что в школу пришла посылка и нашему классу досталась одна коробочка цветных карандашей. Что нам с ними делать, кому подарить?

В классе воцарилась тишина. Дети сидят, опустив головы. Кто станет самым счастливым, кому достанется подарок?

- А давайте, ребята, подарим эти карандаши тому, у кого папа погиб на фронте. Встань, Ваня! – сказала она.

Но вместе с ним поднялся почти весь класс.

Дети стоят, опустив головы, а учительница горько плачет. По ее щекам катятся крупные слезы.

Эти слезы горести и жалости я помню до сих пор.

Юные пионеры страны

Защитников Отечества все чтили,
И имена их с гордостью носили,
И рассказать о них старались младшим,
Используя и книги, и кино.

И в «Мальчишей» играли, и в «Зарницу»,
И выезжали вместе на границу.

О павших воинах не забывали,
Знамена, флаги, факелы склоняли,
И возлагали
Яркие цветы...

Н. Ф. Соловьёва

«А давайте мы внимательно посмотрим вокруг. Наверняка увидим небольшие бугорки, а сверху, на доске, красная звездочка. Это значит, что здесь лежит советский солдат». Сколько же таких бугорков мы нашли на своем пути, и на каждом положили цветы.

Н. Ф. Соловьёва

Вспоминает Алла Владимировна Гуртиныш

Когда началась война, мне было всего 5 лет, но помню все очень хорошо.

Жили мы в городе Старый Оскол Белгородской области (до войны – Курской и Воронежской). Город старинный, был основан в 1596 г. как город-крепость. Жители занимались скотоводством, торговлей, сельским хозяйством. Дома строили в основном одно-двухэтажные. В городе сохранилась старая церковь, действующая и поныне.

В день начала войны было тепло, все дети были на улице. Вдруг небо стало черным, гудящим. Слышу мамин голос: «Алла, Галя, Оля, домой!»

Началась страшная бомбежка, и мы все бросились под кровать. Затем прятались в погребе. Сидим там – мама, бабуля, соседи и дети. Вдруг оглушительный, завывающий свист. Взрослые стали прощаться, а мы, дети, от страха плакать. Вдруг вся земля содрогнулась, задрожала от толчка, и стало тихо.

Не сразу открыли погреб, но, когда вышли из него, то увидели, что все вокруг было засыпано землей. Это упала в нескольких метрах от нас бомба в огород, и ударом волны снесло полдома.

По ночам «висели» в небе фонари. Было очень страшно выходить из дома. Только открывалась дверь, как начиналась стрельба.

Помню, как по улицам нагло шагали фашисты. Через наш двор на речку ходили купаться оккупанты, а наш Марсик (собачка) выскочил из конуры и залаял. Вдруг раздался выстрел. Это они с хохотом застрелили Марсика. Сколько слез мы пролили!

Однажды немец зашел в дом. Мы испугались, схватились за мамину юбку и дрожим от страха, а незванный гость наставил наган на маму и закричал: «Партизан, партизан!» Все в доме перерыл, что-то искал...

В сентябре 1943 года я пошла в школу, в первый класс. Город наш был разрушен, света не было, уроки выполняли под керосиновой лампой. Тетрадей тоже не было. Писали на газетах и книгах между строчек.

Во время летних каникул собирали колоски на колхозных полях и сдавали их. Пережили холод, голод. Летом было легче: рвали лебеду, варили из нее похлебку, в речке из песка доставали ракушки, жарили их на костре и ели. Мама не могла их есть, поэтому начала опухать от голода. На счастье, приехал мамин брат и привез немного муки. Из нее варили супчик и этим спасли маму.

Ох, сколько пережили!

Вспоминает Рудольф Иванович Соколов

Родился я 25 декабря 1929 года, место рождения – Вологодская область. 25 декабря 1941 года, зимой первого года Великой Отечественной войны, мне исполнилось 12 лет.

Самым запоминающимся событием военного времени было то, что 26 июля 1943 года, во время Орловско-Курской битвы, погиб мой отец, майор гвардии Соколов Иван Васильевич, командир гвардейского минометного полка («Катюши»).

Отец был награжден орденом «Красного знамени» за лично проявленный героизм, мужество и отвагу, за умелое руководство боевыми операциями и посмертно орденом «Отечественной войны 1 степени».

По решению командования орден и некоторые вещи отца в августе 1943 года были привезены тремя офицерами с фронта и переданы его жене, моей матери Надежде Николаевне.

Этот момент до сего времени я хорошо помню, он остался в моей памяти еще и потому, что в этот день я работал в колхозе на поле недалеко от дома, отвозил на волокушке солому от комбайна (молотили рожь), и видел, как группа людей заходила в наш дом. Это и были посланцы с фронта.

Матери также было передано письмо-соболезнование от командования за подписью 22 боевых товарищей отца (хранится у меня).

С началом Великой Отечественной войны все изменилось в жизни нашей семьи. Я стал главной мужской силой, впереди было четыре года военного времени, когда для всех нас в тылу на любой работе самым главным был лозунг: «Всё для фронта, всё для Победы!»

Помню суровую морозную зиму 1941-1942 годов, помню, как маршевые роты прибывали в райцентр (в райвоенкомат) из дальних деревень и призывников распределяли на ночь по деревням в радиусе 1-1,5 километров. Все дома в деревнях и райцентре до утра были забиты этими молодыми парнями и мужчинами призывного возраста. А утром пешим порядком при сильном морозе они отправились за 30 километров в Вологду.

Помню, как моего родственника в ноябре 1941 года призвали в армию. После короткого обучения его отправили на фронт под Москву, и в эту же зиму мы получили на него похоронку. Парню шел всего 19-й год.

**В книге размещены воспоминания
учителей-ветеранов**

Соловьёвой Нинель Фёдоровны

Дудник Инны Александровны

Ошник Ирины Михайловны

Москвичёвой Клавдии Григорьевны

Дорошенко Эллы Константиновны

Драликовой Ольги Семёновны

Савкиной Инны Александровны

Борисовой Людмилы Павловны

Нечай Ирины Степановны

Исаевой Ирины Тихоновны

Гуртиныш Аллы Владимировны

Соколова Рудольфа Ивановича

**К изданию книгу воспоминаний подготовили
члены Клуба молодых педагогов
МАОУ гимназии №40 имени Ю. А. Гагарина:**

Астахова Анастасия Викторовна,
учительница изобразительного искусства;

Дрохнерис Ольга Геннадьевна,
педагог дополнительного образования;

Зубова Елена Сергеевна,
документовед;

Фатеева Раиса Николаевна,
учительница немецкого языка;

Хромцова Вера Николаевна,
учительница русского языка и литературы.

Перед нами раскинулась украинская степь. Я никогда не видела такой красоты. Высокая трава, колышутся ковыли, как золотистые метелочки, а сквозь эту красоту выглядывают красные тюльпаны.

Н. Ф. Соловьёва

Все побежали в дом и стали слушать по репродуктору речь Вячеслава Михайловича Молотова о вероломном нападении Германии на Советский союз.

И.А.Савкина